

С.И. Кузнецов

Иркутский государственный университет

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СССР И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В холодной войне, которую на Дальнем Востоке вели между собой СССР и США, Япония была то полем битвы, то объектом, за который две державы вели ожесточенную схватку. Противоречия между СССР и США стали нарастать, подобно снежному кому, уже после Ялтинской конференции, когда СССР, вразрез с Декларацией об освобождении Европы, стал насаждать в Восточной Европе просоветские режимы. В этой связи в американских правительственных и военных кругах начали возобладать настроения «жесткого курса» по отношению к СССР. Среди его сторонников выделялся американский посол в Москве А.Гарриман, который рекомендовал президенту пересмотреть Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку. Он фактически прямо указывал на то, что СССР, не выполнив решений Ялты по Восточной Европе, продолжит этот курс и на Дальнем Востоке. Опасаясь коммунистической угрозы со стороны находящегося под влиянием Кремля многомиллионного Китая, А. Гарриман предложил сохранить Японию как силу на Дальнем Востоке. Решающую роль в развязывании холодной войны на Дальнем Востоке сыграла атомная бомбардировка США японских городов Нагасаки и Хиросимы. Ядерное уничтожение Хиросимы и Нагасаки в 1945 г. являлось демонстрацией силы не только в отношении Японии, но также и против Советского Союза, причем устрашение Советского Союза играло даже еще большую роль в политических и стратегических планах США. Из наиболее известных пунктов советско-амери-

канских противоречий этого времени, связанных с Японией, можно назвать следующие:

- после окончания войны в Европе возникли различия в позициях по вопросу безоговорочной капитуляции Японии. (США приходят к выводу, что желательно закончить войну до того, как в нее вступит СССР. В случае вступления СССР в войну, с точки зрения США, необходимо было максимально ограничить политические последствия этого акта);

- между СССР и США существовали противоречия, связанные с затяжкой советским Генеральным штабом планирования совместных с союзниками военных операций против Японии, отказом предоставить США возможность базироваться на аэродромах Приморья, непонятной с точки зрения позицией советских властей в отношении американских военнопленных и ранеными летчиками;

- не было единства по поводу оккупации Японии в 1945 г. (СССР претендовал на участие в оккупации. Сталин, в частности, предложил включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающую на севере к проливу Лаперуза, находящуюся между Карафуто (Сахалин) и Хоккайдо¹. Г.Трумэн, учитывая опыт Потсдама, препятствовал этому). Некоторые отечественные авторы, ссылаясь на японских исследователей, утверждают, что якобы имелся тайный план советского лидера после оккупации советскими войсками Хоккайдо придать этой территории статус социалистической республики и назначить на пост ее руководителя своего выдвиженца из числа высокопоставленных японских военнопленных, проявивших лояльность к СССР². Однако документального подтверждения этому пока не существует.

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.2. – М.: Политиздат, 1989. – С.285.

² Независимая газета. – 2000. – 17 октября.

После оккупации Японии советско-американские противоречия, связанные с этой страной продолжали нарастать. Главные из них: 1. Противостояние в Союзном Совете для Японии, который начал функционировать в Токио в начале апреля 1946 г. как орган совместного управления Японией союзными державами. Все годы его существования сопровождалась ожесточенной полемикой советского и американского представителей по любым вопросам послевоенного устройства Японии - аграрной реформе, новой конституции, рабочем законодательстве и т.д.; 2. Советский Союз и США отстаивал различные точки зрения на Токийском процессе над главными военными преступниками; 3. Противоречия обострились и в связи с подготовкой и подписанием Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Как известно, США фактически отстранили СССР от участия в разработке мирного договора. Действуя монолитным блоком с западными союзниками, США подготовили такой проект договора, который фактически закреплял положение Японии как прямого союзника Запада. Попутно вводилась своеобразная полоса отчуждения, разделяющая СССР и Японию. Вольно или невольно США и их союзники выстроили препятствие на все последующие десятилетия, предотвращающее сближение СССР и Японии, - проблему северных территорий. Альтернативный проект мирного договора и все поправки, предлагаемые Советским Союзом, оказались лишь беспомощной попыткой «сохранить лицо».

В советско-американских отношениях по поводу Японии фигурировала и проблема «северных территорий». На Ялтинской конференции 1945 г. США согласились с тем, что Москва сможет вернуть себе территории, ушедшие ранее в японские руки (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан, группа Хабомаи). После их оккупации Советским Союзом американские оккупационные власти в 1946 г. объявили японскому правительству, что вся цепь Курил исключается из территории Японии. В 1951 г., несмотря на то, что советская делегация покинула Сан-Францисскую конференцию, в окончательный текст Сан-Францисского мирного договора было записано, что Япония отказывается от всех прав, претензий и притязаний на Курильские острова. Японский премьер Ёсида Си-

гэру, крайне недовольный такой формулировкой, смог добиться от американцев одного: госсекретарь США Дж.Ф.Даллес заявил, что если уж Япония питает к Хабомаи столь сильные чувства, она может попытаться обратиться в международный суд. Относительно претензий на остальные острова – американцы промолчали.

В середине 50-х годов Япония попыталась добиться от Москвы хоть каких-то территориальных уступок. Одновременно, они пытались склонить США, чтобы они согласились впредь не относить Хабомаи к тем Курилам, от которых японцы отказались в 1951 г. К удивлению Токио, СССР согласился с его претензиями (Япония и США стремительно сближались, и Москве это очень не нравилось). Когда в 1956 г. для переговоров в Москву прибыл министр иностранных дел Сигэмицу Мамору, он согласился на мирный договор при условии возврата Шикотана и Хабомаи. Однако на обратном пути его «перехватил» все тот же Даллес, который предупредил Сигэмицу: если Япония перестанет претендовать на все северные территории, США откажутся возвращать Окинаву. В результате переговоры с Москвой были прерваны.

Ученые немало спорили о том, как же это Даллес умудрился сделать такой поворот на 180 градусов. Президент Токийского университета Тама Грегори Кларк приводит в связи с этим несколько теорий. Одна из них утверждает, что в 1951 году США знали, что если они не станут соблюдать Ялтинские соглашения по Курилам, Москва может перестать соблюдать Ялтинские соглашения по Австрии - проблема эта практически исчезла к 1956 г. Еще одна интересная теория, выдвинутая профессором Мива из Университета София в Токио, утверждает, что американская позиция 1951 года была результатом сделки с Советами, закрепившей решением Совета Безопасности ООН Микронезию за США тремя годами ранее. И, наконец, есть такая теория, что коварный Даллес все обдумал и спланировал заранее. Его намерением с самого начала было заставить Японию отказаться от Курил в 1951 году и, зная, что японцы станут позднее пытаться вернуть острова, включить в мирный договор статью, позволяющую США обратить в свою пользу любую уступку, которую японцы могли бы в будущем сделать русским. Короче говоря, если Япония позволяет Советам

удержать хоть часть Курил, США удерживают Окинаву³. Позже официальные представители японского МИДа стали указывать на энергичную поддержку со стороны США, которые, начиная с 1956 года, официально утверждают, что Итуруп и Кунашир определено не относятся к территориям, от которых Япония отказалась в Сан-Франциско. Ясно, что США, говорящие прямо противоположное тому, что они же говорили в 1951 г., попросту применяют маленькую уловку в стиле холодной войны, чтобы держать Токио и Москву на ножах. Характеризуя политику Японии в отношении СССР в те годы, профессор Калифорнийского университета Цуёси Хасэгава отмечал: "Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза. Эта стратегия была удобна и для японских консервативных правительств... Японии был нужен враг для облегчения усилий по восстановлению страны после поражения в войне, достижения независимости, воссоздания экономики, опираясь на американскую военную мощь в обеспечении безопасности"⁴. Таким образом, в обстановке «холодной войны» проблема «северных территорий» послужила средством осуществления американской антисоветской стратегии. В результате японский и советский народы стали заложниками этой политики США.

Все вышеназванные проблемы достаточно хорошо изучены в отечественной историографии, хотя далеко не всегда мнения авторов выглядят бесспорными. Одна из последних попыток по-новому взглянуть на некоторые из них сделана в книге Б.Н.Славинского⁵.

Вместе с тем, между СССР и США в первое послевоенное десятилетие были и другие предметы противоречий, непосредственно касающиеся Японии. Речь идет о дискуссиях по поводу находившихся в СССР сотнях тысяч японских военнопленных,

³ Асахи симбун. - 1999. 3 марта.

⁴ Цит. по: Независимая газета. - 2001. - 3 февраля.

⁵ Славинский Б.Н. СССР и Япония - на пути к войне: дипломатическая история, 1937-1945 гг. - М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999.

их репатриации, идеологической обработке и т.д. Каждая из сторон с переменным успехом использовала японских военнопленных в СССР и все, что с их проблемой было связано в своих интересах. При этом Советский Союз чаще был оправдывающейся стороной, однако, имел существенный козырь в этой борьбе – страна была закрытой и запад получал лишь ту информацию о военнопленных, которую ему СССР преподносил. Американцам долгое время приходилось довольствоваться информацией от японских репатриантов из СССР. Эти сведения были фрагментарными, неточными, исходящими от людей, относящихся к Советскому Союзу с крайней неприязнью.

Первоначально предполагалось, что военнопленные японо-маньчжурской армии на территорию СССР вывозиться не будут, а лагеря военнопленных будут организованы по возможности в местах разоружения японских войск. Для организации и руководства вопросами, связанными с содержанием военнопленных в лагерях НКВД СССР приказом от 16 августа 1945 г. на Дальний Восток был командирован начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенант М.С.Кривенко с группой офицеров. Однако уже 23 августа 1945 г. было принято Постановление Государственного комитета обороны «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», в котором говорилось: «Госкомитет Обороны постановляет обязать НКВД СССР тт. Берия и Кривенко принять и направить в лагеря для военнопленных до 500.000 военнопленных японцев»⁶. Понять, почему Советский Союз в течение одной недели изменил свое решение относительно судьбы японских военнопленных может помочь переписка И.Сталина и Г.Трумэна. Последний в письме от 18 августа 1945 г. фактически отказывается от участия советских войск в оккупации Японии, упоминая некие «символические союзные вооруженные силы», которые будут участвовать во временной оккупации. И.Сталин 22 августа обиженно пишет:

---

⁶ Цит. по: Ёмиури симбун. – 1992. – 3 июня.

«Я и мои коллеги не ожидали от Вас такого ответа»⁷. Об этой ситуации вспоминал и генерал Д.Макартур: «Русские... потребовали, чтобы их войска могли оккупировать Хоккайдо... и таким образом расколоть Японию на две части. Другим требованием было, чтобы их войска не только не находились под контролем Верховного главнокомандующего (Макартура), но и были совершенно независимы от его власти. Я решительно отказался»⁸. Отношения бывших союзников дали трещину.

Как известно, в ходе советско-японской войны в августе 1945 г. советскими войсками были взяты в плен (и зарегистрированы как военнопленные) 639 676 военнослужащих японской Квантунской армии. До 500 тыс. из них были направлены в СССР в лагерь военнопленных для использования их труда в народном хозяйстве, в том числе в оборонных отраслях. Госсекретарь США Д. Бирнс вспоминал, что на встрече министров иностранных дел в конце сентября 1945 г. в Лондоне советский министр В.М. Молотов заявил ему: «Практика западных стран – разоружение и репатриация войск противника в применении к японцам совершенно недостаточна и опасна. Мы должны удержать их в плену и заставить работать», что Советы и сделали»⁹.

Важной составляющей жизни лагеря военнопленных в СССР было «перевоспитание» и «идеологическая подготовка» военнопленных. В докладе Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США «Советская идеологизация японских военнопленных» указывалось, что под контролем МВД СССР были не только жизнь и здоровье военнопленных, но и их взгляды. Это была гигантская задача – поменять идеалы и полностью перевернуть мировоззрение японцев. Программа идеологической подготовки была сложным механизмом, который должен был подчинить себе будущую жизнь и деятельность военнопленных. Система идеологической обработки старательно приспособлялась к японским национальным особенностям и

⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.2. – С.286-287.

⁸ MacArthur D. Reminiscences. – New York, 1964. – P.285.

⁹ Byrnes James F. Speaking Frankly. – N.Y.: Harper & Brother Publishers, 1947. – P.213.

проникала в головы военнопленных постепенно, шаг за шагом. Орудием МВД были группы японских коммунистов, работавшие под советским контролем»¹⁰. Большие надежды возлагали политорганы МВД на издаваемую на японском языке газету «Ниппон симбун», полагая, что при отсутствии другой печатной продукции на японском языке, кроме трудов Ленина и Сталина, японцы охотно будут ее читать. Она стала пропагандистским рупором для полумиллиона японцев, рассеянных по многочисленным лагерям в СССР, Монголии и Корее. Вторая полоса газеты была посвящена внутреннему положению Японии под американской оккупацией. Как правило, здесь помещались перепечатанные из «Правды» или «Известий» заметки о «бесчинствах американских солдат в оккупированной Японии», «антидемократических действиях оккупационных властей» и т.д. Яркая выраженная антиамериканская линия в газете стала доминирующей в 1947 г. Резко критиковали оккупационную политику США в Японии и пропагандировалась советская, миролюбивая. Американский историк В.Ниммо писал: «С весны 1947 г. Советы изменили направленность идеологической обработки японцев. Пропаганда была направлена на то, чтобы дискредитировать союзническую политику в Японии. Цель состояла в том, чтобы показать, что США, стоя на принципах империализма, стремятся превратить Японию в американскую колонию. Военнопленные узнавали, что единственный способ достичь истинно демократических преобразований в Японии — это тесный союз с СССР»¹¹. Газета писала, например, что «американские оккупационные силы назначают на различные посты бывших японских правительственных чиновников. Эти люди, носящие в настоящее время гражданское платье, будут участвовать в будущей войне, надев американскую форму... Американцы убивают японцев, японец, который попытается возмущаться, жестоко поплатится». Даже американские газеты были

¹⁰ Mac Arthur Memorial Archives. Reel 630. V. Soviet Indoctrination of Japanese Prisoners of War. — P.1.

¹¹ Nimmo William F. Behind A Curtain of Silence. Japanese in Soviet Custody, 1945-1956. — N.Y.: Greenwood Press., 1988. — P.65-66.

вынуждены сообщить, что количество японцев, убитых руками солдат оккупационных войск достиг чрезвычайно большого количества. Пьяные американские солдаты смотрит на Японию как побежденную страну и расценивает японцев как своих рабов. Рабочие и крестьяне Японии задыхаются под гнетом колониальной рабской системы, созданной американскими реакционерами»¹². В другой статье «Ниппон симбун» говорилось, что Соединенные Штаты находятся на грани краха в результате инфляции и трудовых конфликтов. План Маршала был представлен как «капиталистическая уловка, чтобы получить контроль над европейскими странами. Соединенные Штаты вновь обвинялись в попытке поработить и колонизировать Японию: «Щупальцы американского империализма простираются на весь мир». Одна из статей вышла под заголовком "Расширение американской власти до тех пор, пока они не станут управлять миром, - цель «трумэнизма». В ней объяснялось: начиная с заключения второй мировой войны, американские экспансионисты пытались сформировать переднюю линию безопасности, поставив Грецию, Турцию, Иран и Аравийские страны под контроль Соединенных Штатов. США превращаются в угрозу в Средиземном море. Эта политика Трумэна породила ожесточенное противодействие не только демократических стран, но и прогрессивных элементов в самих Соединенных Штатах»¹³.

Реакционная, антияпонская политика американцев в Японии как бы подтверждалась конкретными примерами. Советские власти, в частности, объясняли военнопленным причину задержки их репатриации происками американских оккупационных властей, которые, якобы, не выполняют обязательств по предоставлению кораблей для репатриантов. Критикуя американские оккупационные власти, газета не забывала и японское правительство, которое сотрудничает с американцами: «Всеми миру известно, что кабинет Ёсида Сигэру крайне реакционен и ненавистен подавляющему большинству японцев. Он открыто

¹² MacArthur Memorial Archives. Communist Indoctrination of Japanese Repatriates from Soviet Territory. 2 Febr. 1949. Record Group 6. P. 10-11

¹³ Ibid.

поддерживает политику американских военных властей в Японии»¹⁴. Издатели газеты при помощи самих японцев (в редколлегии работали японские военнопленные, бывшие журналисты) атаковали империализм и эксплуататорскую систему в Японии, вели антиамериканскую пропаганду, умело размещая пропагандистские высказывания малыми порциями во всех уголках газеты. Ложь и полуправда, печатаемые в газете, вселяла в военнопленных неподдельную тревогу за их дома и семьи, которые, как писал газета, «оказались захваченными американцами, порождала страх и ненависть по отношению к Америке. Редакция хорошо знала душевное состояние военнопленных, поэтому быстро добилась успехов в этой пропаганде»¹⁵. Один из японских корреспондентов газеты писал: «Мы должны по возвращению объединиться в сильный пролетарский фронт и свергнуть императорскую систему, мы станем бороться против помощи Японии американским империализмом»¹⁶.

Особая роль в лагерях военнопленных отводилась «политическим школам», которые проводили массированную идеологическую обработку военнопленных с целью вовлечения их в компартию Японии. Среди тем, изучаемых в этих школах, были: «Президент Трумэн добивается третьей мировой войны», «Провал плана Маршала», «Нарушение Соединенными Штатами условий Потсдамской декларации», Американская колонизация Японии и подготовка начала агрессивной войны против СССР, использования в ней Японии как базы» и др.¹⁷.

Некоторая часть японских военнопленных, особенно бывшие крестьяне, люди с низким образовательным уровнем попали под влияние этой пропаганды. Американские оккупационные власти свидетельствовали, что многие из них, вернувшись в Японию, «посеяли страх и растерянность в населении страны, а не "чувство благодарности к СССР". Группа ре-

¹⁴ Ниппон симбун. – 1946. – 1 августа.

¹⁵ MacArthur Memorial Archives. Box 15. Folder 14. Indoctrination Program. – P.61-65.

¹⁶ Ibid. – P.1.

¹⁷ См. подробнее: Kuznetsov S.I. The Ideological Indoctrination of Japanese Prisoners of War in the stalinist Camps of the Soviet Union (1945-1956)// The Journal of Slavic Military Studies. - 1997. - Vol.10. - N 4.

патриантов, прибывших летом 1949 г., отправилась из Майдзуру на специальном поезде. В пути они разделились, поскольку направлялись в разные районы Японии. На станциях они пели коммунистические песни, танцевали и вели себя чрезвычайно буйно, чем привели в замешательство большинство благородных семейств"¹⁸. В это время все новые и новые суда с военнопленными прибывали в Майдзуру. Иммиграционные власти, распущенные в 1945 г. американцами, были в растерянности. Репатриантов не успевали регистрировать, многие из них отказались заполнять анкеты и даже называть свои имена, другие отказывались ставить прививки от тифа. "Общее отношение к властям было дерзким и непочтительным"¹⁹. Часть репатриантов в июле 1949 г. на специальном поезде отправилась в Киото, где организовали широкомасштабную демонстрацию, кульминацией которой стала сидячая забастовка и схватка с местной полицией. Документы свидетельствуют, что инцидент в Киото "грозил перерасти в нечто большее, если бы не умелые и решительные действия полиции"²⁰. Днем позже большая группа репатриантов добралась до Токио, где, собрав большую толпу, они две ночи подряд проводили демонстрацию у здания японского правительства и главных фабрик. Затем демонстрация пришла к советскому дипломатическому представительству и "выразила свои искренние и теплые чувства представителям страны Советов"²¹.

Инциденты разной степени серьезности произошли по прибытии репатриантов в разные префектуры Японии. Однако это было только начало. Власти со страхом ожидали прибытия очередной большой группы судов с репатриантами и те "оправдали" эти ожидания. Действия этой партии бывших военнопленных власти Майдзуру назвали «психической атакой», а один из иммиграционных служащих заявил: «Наконец холод-

¹⁸ MacArthur Memorial Archives . - Reel 630. VIII. Recalcitrant 1949.Repatriates. - P.1.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. - P.2.

²¹ Ibid.

ная война» пришла и в Майдзуру»²². Прибывшие репатрианты выдвинули множество жалоб на команду корабля, по вине которой и сами пассажиры и их вещи основательно подмокли, на центр репатриации, снабжавший их негодными продуктами питания. Они упорно отказывались представить полный список пассажиров и наотрез отказались делать прививки. В результате разгрузка продолжалась с 2 по 5 августа 1949 г. 25 июля другая группа репатриантов объявила сидячую забастовку, выдвинув властям различные требования, среди которых были и такие: маршрут поезда репатриантов должен проходить через станцию Ёёги, вблизи которой располагалась штаб-квартира компартии Японии. Около 400 репатриантов 8 августа 1949 г. пришли к зданию японского парламента и потребовали встречи с депутатами. Получив отказ, они организовали сидячую забастовку.

Репатриация летом 1949 г. доставила японским и оккупационным властям множество забот. Однако постепенно большинство организованных групп бывших военнопленных, руководимые активистами, распались – когда забастовки им наскучили, они просто разъехались по домам. К оставшимся «непримиримым» японские и оккупационные власти применили репрессивные меры, справедливо полагая, что их деятельность дестабилизирует и без того сложную обстановку в послевоенной Японии. Оккупационные власти проводили мероприятия по фильтрации репатриантов в портах их прибытия из СССР с целью выявления среди них «зараженных коммунистической пропагандой». Большинство военнопленных достаточно критически относились и к коммунистической пропаганде и к газете «Ниппон симбун». В лагере № 30 (г. Улан-Удэ) в июне 1948 г. были осуждены по статье 58-11 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей японские офицеры Мори, Эгути и Судзуки, которые уничтожали газету, не давая ее читать солдатам. В свою очередь они вели «контрпропаганду», доказывая солдатам, что газета «Ниппон симбун» лживая, является русской коммунистической пропагандой и призывает солдат не подчиняться офицерам. Мори, Эгути и Судзуки утверждали,

²² Ibid.

что Америка и Англия обязательно пойдут войной против Советского Союза и в этой войне СССР будет побежден. Япония должна в этой войне принять участие на стороне США и Англии»²³.

В самой Японии в конце 40-х годов периодическая печать постоянно стала помещать сообщения о положении военнопленных, требовать их скорейшего возвращения из СССР.

Вопрос о репатриации японцев стал предметом ожесточенных споров в Союзном совете. Советский представитель генерал-лейтенант К. Деревянко заявлял, в частности, что Союзный совет не правомочен обсуждать этот вопрос, в то же время настаивал, чтобы на Совете рассмотрели проблемы адаптации репатриантов, их возвращения к мирной жизни. Критике он подверг Бюро демобилизации, указывая на то, что оно состоит главным образом из бывших военнослужащих японской армии. Репатриация была предметом многомесячных переговоров между Верховным главнокомандующим союзными войсками в Японии и советскими представителями. К переговорам подключались и японские представители.

Согласно американским источникам, запрос из штаба Маккартура относительно судьбы японских военнопленных и сроков их репатриации был направлен в СССР уже в октябре 1945 г. В нем говорилось, что для репатриации можно было бы использовать те японские суда, которые оказались под советским контролем. Здесь же упоминалось и о восстановлении экономики Японии, в интересах которого было бы использование этих судов. Советский Союз ответил на запрос только в апреле 1946 г.: "Перевозки военнопленных должны осуществляться за счет правительства Японии, а подконтрольные СССР японские суда не будут использоваться в этих целях"²⁴.

Спорным вопросом была и репатриация японцев из Северной Кореи. Как известно, японские войска в Корее капитулировали 15 августа 1945 г. После этого в октябре 1945 г. в северной части страны была создана Советская гражданская адми-

²³ Архив РУ ФСБ Республики Бурятия. Д. 9249. Л. 77.

²⁴ MacArthur Memorial Archives. Box.25. Folder 14. Progress of Repatriation. P.1.

нистрация во главе с генерал-майором А.А.Романенко. В сентябре того же года на юге Кореи высадились американские войска. Таким образом, страна оказалась поделенной на две части по линии 38-параллели. Вскоре американская военная администрация предложила начать поэтапную репатриацию японских военнопленных из Северной Кореи через Южную. Однако обсуждение этого вопроса зашло в тупик из-за того, что стороны не могли договориться, кто будет оплачивать топливо для судов репатриантов. Вопрос о репатриации японцев из Северной Кореи был решен позднее, а пока шла нелегальная репатриация через 38-ю параллель. Всего около 293 тыс. японцев пересекли границу, и к моменту урегулирования вопроса о репатриации в Северной Корее осталось лишь 15 тыс. человек, ожидающих возвращения в Японию. Надо заметить, что репатриация из Кореи стимулировалась еще и тем, что к концу войны в Японии проживало почти 900 тыс. корейцев, большинство которых желало бы вернуться на родину. Считаясь в Японии людьми "второго сорта", они не могли рассчитывать здесь на полноценное существование ни в юридическом, ни в материальном плане. Это обстоятельство позволяло японцам на переговорах оказывать давление на корейскую сторону. В период с октября 1945 г. по апрель 1946 г. между штабом оккупационных войск в Японии и советскими властями была достигнута договоренность о возвращении в Японию нескольких групп японских военнопленных (в основном из районов Маньчжурии), в остальном переговоры были безрезультатными. 23 апреля 1946 г. Верховное главнокомандование союзными силами в Японии направило СССР предложения по взаимной репатриации между Японией и Кореей. Собственно, они являлись копией документов, направленных американцами властям других стран, взявших в плен японских военнослужащих. Результатом этой переписки стало начало 19 июля 1946 г. в Токио переговоров между представителями советского правительства и американских оккупационных властей в Японии. Соглашение вновь не было достигнуто, поскольку советские делегаты потребовали льготного режима репатриации для корейцев, находящихся в Японии. Кроме того, СССР отказался поставить то-

пливо и другие материалы, необходимые для кораблей репатриантов. Переговоры были возобновлены 11 июля 1946 г., когда был поднят вопрос о репатриации японцев из Северной Кореи, Дальнего (Дайрена) и Порт-Артура. Затягивание и отсутствие прогресса на переговорах подвигли штаб Макартура обратиться в военное министерство США с просьбой о переводе вопроса о репатриации на межправительственный уровень. 26 сентября советские власти информировали Верховное главнокомандование союзных войск в Японии о том, "что репатриация японцев из СССР и подконтрольных ему территорий может начаться в октябре 1946 г.". С 14 октября по 19 декабря в Токио прошла очередная серия советско-американских переговоров по репатриации, на которой была сделана попытка сближения точек зрения, в том числе и по вопросу снабжения топливом судов репатриантов и их обслуживания в советских портах.

В результате 19 декабря 1946 г. между членом Союзного Совета для Японии генерал-лейтенантом К.Н. Деревянко и представителем главнокомандующего союзных войск в Японии генералом Д. Макартом было достигнуто соглашение о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с советской территории и с территориями, находившихся под контролем СССР. Оно предусматривало репатриацию из СССР ежемесячно 50 тыс. японцев. Тогда же была достигнута договоренность о том, что из Японии ежемесячно будут репатриироваться 10 тыс. корейцев.

СССР и США обменивались взаимными обвинениями по поводу задержки репатриации в течение всех 40-х годов. Советский Союз объявил приостановку всей репатриации с декабря 1947 г. до апреля 1948 г., ссылаясь на ледовую обстановку и зимние условия. Когда штаб Верховного главнокомандующего в Токио предложил отправить ледоколы, чтобы провести суда с репатриантами, СССР ответил, что предложение это напрасно, поскольку репатриация задерживается из-за трудностей в сборе японцев в портах репатриации и перегрузке железной дороги, что не позволяет доставить репатриантов в

Находку²⁵. Эти задержки провоцировали протест в японском обществе, подогреваемые оккупационными властями и японской печатью. Проявления протеста происходили по всей Японии и несколько семейств сделали неудачную попытку направить делегации для встречи с генералом Деревянко. Только за один день в январе 1948 г. обеспокоенные члены семей военнопленных направили более 500 телеграмм в Советскую дипломатическую миссию, требуя немедленного возобновления репатриации и возвращение всех военнопленных в течение шести месяцев.

Согласно отчетам министерства социального обеспечения Японии, почти 700 тыс. японцев оставались в советских лагерях в апреле 1948 г. (цифра чрезмерно преувеличенная – С.К.), и эта тема была в это время наиболее популярна в японской печати. Многолюдное собрание, проведенное в парке Хибия в Токио, потребовало от Союзного Совета быстрой репатриации. На нем выступили двое членов японской палаты представителей – будущие премьер-министры Японии Мики Такэо и Накасонэ Ясухиро. Другая массовая акция по сбору подписей под требованием немедленной репатриации была проведена в крупнейшем универсаме Токио – «Мицукоси». Здесь же прошла 10-дневная выставка, показывающая условия жизни и труда военнопленных в советских лагерях. Объективно, советские власти, конечно, оказались в затруднительном положении: чтобы подготовить к репатриации несколько сот тысяч японцев, переправить их в порт репатриации, требовалось время и немалые средства. В еще более сложное положение они попали, когда выяснилось, что десятки тысяч военнопленных уже никогда не вернутся домой – до 70 тыс. японских военнопленных умерли в лагерях от болезней, дистрофии, непривычного климата, плохого питания, тяжелой работы. Согласно заявлению ТАСС от 22 апреля 1950 г., в Японию были репатриированы 510 409 японских военнопленных помимо 70 880, освобожденных в

²⁵ Sebald W.J. With MacArthur in Japan. – N.Y.: W.Norton & Company. 1965. – P.138.

1945 г. непосредственно в районе боевых действий. В СССР оставались 1 487 японцев, подлежащих передаче Китаю²⁶.

В октябре 1950 Соединенные Штаты, Англия, и Австралия обратились в Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций с предложением назначить комитет, который определил бы статус и количество немцев, итальянцев, японцев и других военнопленных, остающихся в Советском Союзе. Вскоре после этого, 14 декабря 1950 г., международная организация приняла решение, требующее репатриации военнопленных, содержащихся в СССР. В начале 1951 г. Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли назначил комиссию по военнопленным. Вошедшие в нее представители Сальвадора, Швеции и Бирмы должны были изучить вопрос о военнопленных, которые не были репатрированы, но и не оставались в советских лагерях.

Первая встреча комиссии прошла в ООН в Нью-Йорке летом 1951 г., позже были проведены еще шесть дополнительных сессий в Женеве с 1952 г. по 1957 г. Представители одиннадцати стран рассмотрели наиболее острые проблемы, связанные с военнопленными, причем приглашения принять участие в их обсуждении были направлены всем заинтересованным странам - Австралии, Бельгии, Франции, ФРГ, Италии, Японии, Люксембургу, Нидерландам, Советскому Союзу, Соединенным Штатам и Великобритании. Главным затруднением в работе комиссии было то, что СССР не направлял своих представителей ни на одну из встреч в Женеве. После 3-й сессии в сентябре 1952 г. комиссия выпустила специальное сообщение, в котором говорилось, что «невозможность сотрудничества с Советским Союзом как основным ответчиком по проблеме парализует работу комиссии, которая не имеет никаких средств для получения и проверки информации, полученной от других стран»²⁷. Годом позже комиссия сообщила: «Советский Союз отказался от приглашений на последние три сессии комиссии, отказался назвать имена военнопленных, все еще находящихся в СССР, а также представить списки умерших»²⁸.

²⁶ Известия. - 1953. - 31 августа.

²⁷ United Nations Review. 4 (December 1957). - P.13-15.

²⁸ New York Times. - 1953. - 23 Sept.

В августе 1953 г. в Женеве проходила сессия специальной комиссии ООН по военнопленным, на которой американский посол в Испании Д. Данн сделал заявление, что Советский Союз остается единственной страной, которая не сообщила сведения о военнопленных. Американскими оккупационными властями в Японии были подготовлены списки японцев, не вернувшихся с войны, и, по предположению, содержащихся в советских лагерях, и в связи с этим 8 января 1952 г. правительство США передало советскому правительству ноту протеста. Правительство СССР реагировало на нее очень резко. "Американскую ноту нельзя расценить иначе, - говорилось в ответной ноте, - как клеветнический выпад против Советского Союза. Уже заявлялось, что репатриация японских военнопленных из Советского Союза полностью закончена"²⁹.

Конечно, списки военнопленных японцев, подготовленные и представленные в комиссию ООН Соединенными Штатами, не могли быть точными. В них, например, включались лица, проживавшие в том или ином районе Японии до войны и отсутствующие там к началу 50-х годов. Среди них были и те, кто погиб при кораблекрушениях на японо-американском театре военных действий.

Некоторые военнопленные еще задерживались на островах Тихого океана американцами и т.д. Скорее всего, спор шел о тех десятках тысяч японцев, которые погибли в сибирских лагерях и уже никак не могли вернуться к своим семьям. Советское правительство же молчало о их судьбе до последнего времени.

Только после смерти Сталина в марте 1953 г. оно постепенно заняло более примирительную позицию. Если в ноябре 1953 г., представители Союза Красного Креста и Красных Обществ Полумесяца Советского Союза сообщали их японским коллегам о умерших в СССР 10 267 военнопленных³⁰, то позже Советский Союз признал цифру 34 тыс. японцев, похоронен-

²⁹ Известия. - 1952. - 21 января.

³⁰ Japan Times. - 1958. - 21 Jan.

ных на 341 кладбищах по всей стране. А уже после 1991 г. была названа цифра 62 068 умерших в лагерях военнопленных³¹.

Отказ советского правительства признать эти очевидные факты, а также сохранение в двух странах многих стереотипов периода холодной войны создают серьезную преграду для нахождения взаимоприемлемых компромиссов об условиях заключения мирного договора между двумя странами.

Что касается США, то они сделали все, чтобы не допустить сближения или хотя бы примирения СССР и Японии, а последние активно, хотя и невольно этой политике способствовали.

В послевоенный период основным ориентиром внешней политики США стала доктрина «установления режима решающего перевеса силы США в мире», окончательно оформленная президентом Рузвельтом уже в начале 1943 г., в разгар бушующей войны. По существу эта доктрина мало чем отличалась от планов Гитлера установить мировое господство Германии. Уже в конце марта 1945 г., когда в Европе еще шла война, Трумэн заявил, что он собирается перестроить весь мир под американский образец, под американский диктат. «Мы скоро проучим русских и тогда США будут командовать миром, так как миром следует командовать»³².

После окончания второй мировой войны Вашингтон занялся устройством мирового порядка, основанного, по словам Паула Нитче, главного автора меморандума 68 Совета Национальной Безопасности (NSC-68), на абсолютной мировой гегемонии США. Эти цели мирового владычества имели мало общего с существующим или возможным политическим курсом Советского Союза. В действительности, американские руководители знали, что их далеко идущие геополитические цели единственно могли только усилить чувство угрозы и не безопасности в Советском Союзе, а этим и опасность войны. "Холодная война послужила толчком и решающим импульсом для стратегии силового перевеса силы США в мире, которая была

³¹ Военно-исторический журнал. — 1991. — №4. — С.68.

³² Цит. по: Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. — N.Y.: Dell Publishing, 1962. — P.330-331.

направлена не только против Советского Союза, но и против западноевропейских стран. Путем интеграции Японии в сеть экономических и военных соглашений и договоров Вашингтону удалось постичь две важные цели: с одной стороны, Япония была включена во враждебную Советскому Союзу коалицию, а с другой, и столь же важной для США целью, этот бывший враг сам был сдержан"³³.

---

³³ Layne C., Schwartz B. American Hegemony – without an Enemy //Foreign Policy, Fall 1993. – P.5, 7, 8.